

Анна Долгова

The poster features a woman with blonde hair and blue eyes in the foreground, wearing a black dress with lace details. Behind her is a man with a beard and tattoos, wearing boxing gloves, looking upwards. A strand of barbed wire runs across the middle of the image. The title is written in a stylized font, with the first part in cursive and the second part in large, cracked block letters.

Немая для
ЛЕШЕГО

современный любовный роман

Анна Долгова

Немая для Лешего

<https://litres.ru/74221768>

Аннотация

Он спас меня от бандитов, но стал моим злейшим врагом. Желание отомстить смешалось с безудержной тягой к нему. Его душе. Телу. Я не могу предать отца. Но его руки на моих бедрах сводят с ума, отправляя меня в бездну безумия и сумасшествия...

Роман о мести. О желании добиться справедливости. Но когда враг завоевывает сердце и тело, разум ищет защиты, отправляя в «мир» психической нестабильности.

Содержание

Глава 1. Марьяна	4
Глава 2. Марьяна	10
Глава 3. Леший	15
Глава 4. Марьяна	22
Глава 5. Леший	27
Глава 6. Марьяна	32
Глава 7. Леший	39
Глава 8. Марьяна	43
Глава 9. Леший	50
Глава 10. Марьяна	54
Глава 11. Леший	58
Глава 12. Марьяна	63
Глава 13. Леший	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1. Марьяна

- Она там! Налево! – чей-то хриплый крик в тишине, и следом за ним короткая, отрывистая очередь из автомата.

Пули с противным свистом впились в сосну над моей головой, осыпая меня щепками.

Страх. Он был не просто эмоцией. Он был физическим существом, которое сидело на плечах и сжимало горло пальцами. словно подпирание под ребра коленом, отчего я заставляла себя бежать быстрее. Еще быстрее. Страх звенел в ушах, сводил живот в болезненный узел. Портилось зрение застилавшей глаза пеленой. Это был животный, первобытный ужас, стирающий все мысли, оставляющий лишь одну команду: «БЕГИ».

Я не думала о том, что было до этого. Понимала только, что все было зря. Но сейчас существовали только ноги, впивающиеся в скользкую подстилку из хвои, хриплое дыхание и эти два глаза-фонаря за спиной.

Я резко рванула в сторону. Попала в такую непроходимую часть леса, что низкие ветки хлестали по лицу, царапая кожу. Упала, впилась руками в холодный мох, оттолкнулась и снова побежала. Автоматные очереди стали реже. Они не хотели тратить патроны вслепую, но это лишь подчеркивало их уверенность. Они знали, что я где-то здесь, как крыса в запертом подвале.

Силы были на исходе. Ноги стали ватными, в висках стучало. Я поняла, что просто так мне не уйти. Нужно спрятаться. Исчезнуть. Ведь если меня поймают, так просто не застрелят. Подвергнут пыткам. А я не смогу осуществить задуманное.

Взгляд упал на черный провал у подножия огромной ели. Что-то вроде норы. Щель между вывернутыми корнями и каменной глыбой, присыпанная листвой. Отчаянный порыв, последняя надежда.

Кубарем скатываюсь вниз, содрав кожу на локтях. Втискиваюсь в узкую щель. Забилась в самый дальний угол, поджав ноги, стараясь дышать беззвучно, хотя грудь разрывалась от нехватки воздуха.

Свет фонарей промелькнул в метре от моего укрытия.

- Куда она подевалась?!

- Должна быть тут где-то! Ищи!

Шаги. Грубые, тяжелые. Они прошли буквально рядом. Луч фонаря скользнул по входу в мое убежище, и я зажмурилась, ожидая разоблачения. Но свет ушел. Шаги стали удаляться. Они ругались, спорили. Голоса мужчин тонули в лесной гуще, пока все не затихло.

Тишина. Сначала оглушительная после грохота погони. Потом ее начали заполнять обычные ночные звуки: скрип дерева, шорох какого-то зверька, далекий крик совы. Я боялась пошевелиться. Слезы текли по грязным щекам сами собой. От боли, от страха, от дикой усталости. Но я была спа-

сена.

Именно в этот момент почувствовала запах. Сладковато-приторный и густой запах зверя. Старая шерсть и еще чего-то дикое и незнакомое. Только сейчас понимаю, куда я забралась.

Это была не нора.

Это берлога...

Ледяной ужас, по сравнению с которым погоня с автоматами показалась почти приключением, сковывает моментально.

Снаружи послышалось грузное шарканье. Что-то массивное приближалось к логову. Земля подо мной будто содрогнулась. В проеме, который минуту назад был спасением, возникла тень. Огромная, закрывающая все звезды.

Медведь. В тесном пространстве берлоги хищник казался горой из мышц, меха и ярости. От темной и свалившейся шерсти шел пар. Маленькие глаза блестели в темноте так, что я увидела всю свирепость зверя. Он обнюхал все вокруг. Издал низкий, глубокий звук.

Не рев.

Сначала это было похоже на удивленное ворчание, которое мгновенно перешло в гулкий рык, от которого дрогнули стены моего убежища. С зубов сошло что-то вроде слюны. Звук шел из самой глотки зверя. Бил меня физически, прибывая ко дну берлоги еще больше.

Медведь был в ярости. Я же прощалась с жизнью.

Прижимаюсь к земле, закрыв голову руками. Понимаю, что пытки моих врагов показались бы мне ласковыми поглаживаниями в сравнении с тем, что меня ждет сейчас. Мысли быстро остановились. Остался только инстинкт, заставивший оцепенеть от ужаса и вспомнить молитву, которой меня учила в детстве мама.

Когда медведь шагнул ко мне, а его горячее дыхание обожгло мою шею, в голове промелькнуло: «Вот и вновь я с родителями»...

Зажмуриваюсь, ожидая когтей, зубов. Конца.

Внезапно снаружи резко раздается выстрел. Звук был оглушительным, как удар, от которого я вздрагиваю.

Медведь взревел в очередной раз. Но уже испуганно. Животное рванулся прочь из берлоги, задев меня своим массивным боком. Слышно было только, как он ломает кусты, пытаясь найти спасение.

Стою не в силах пошевелиться. Все еще парализованная страхом. В проеме возник новый силуэт.

Человеческий.

В лунном свете вижу его. Высокий, широкоплечий мужчина в камуфляжной форме, с ружьем в руках. Он присел на корточки, заглядывая ко мне внутрь. Лица почти не было видно, но я разглядела его глаза. Огромные, очень темные, карие. Но даже в этом скудном свете они светились по-особенному. Спокойные, внимательные, пронзительные – как у хищника. Практически, как у медведя.

- Эй, - его голос был глухим и твердым. – Выходи. Он не вернется пока.

Видя отсутствие моей реакции, мужчина протянул руку. Я, все еще дрожа, подалась к нему. Ноги подкосились, но его сильная рука подхватила меня и вытащила на холодный воздух, который вдруг показался таким свежим после смрада берлоги.

Он осмотрел меня с ног до головы. Глазами выхватил все детали – порванную одежду, ссадины, дикий страх на лице – и все понял.

- Ты в порядке? Что ты здесь делаешь одна? Потерялась? – спрашивает сурово, но в голосе пробивается тревога.

Я открыла рот. Разум лихорадочно подбирал слова, объяснения, просьбы о помощи, но из горла не вырвалось ни звука. Только тихий, беспомощный выдох. Старое, знакомое отчаяние возникло с новой силой. Я подняла дрожащие руки и сделала то, что делала всегда. Приложила указательный палец к губам, а потом отстранила ладонь, покачала головой.

Я не могу говорить.

Мужчина замер, внимательно наблюдая за моими руками. Его большие глаза сузились, но даже в пристальном прищуре мелькнуло понимание. Он кивнул.

- Понял, - коротко и ясно, без тени эмоций в голосе.

Аннотация к книге "Пышка для Дерзкого "

- Стоять...
Негромко и без лишнего устрашения, но

так, что я не просто встаю перед преградой в виде руки бритоголового, но тону в его глазах.
 Дерзкий...
 Что в нем дерзкого? Умный. Вдумчивый. Добрый. Со мной ласковый. Даже слишком...
 - Дерзкий! Опять себе телку с лучшими буферами хапаешь?! Пацанам бы хоть оставил!
 Но он молчит. Практически нависает надо мной и молчит. Он не отдаст. Не отдаст меня ни пацанам, ни кому-либо еще.
 Зачем?
 Чтобы своей сделать. Подчинить. Влюбить. А потом просто растоптать...
 - Таисия Михайловна, у вас был половой контакт с Федором Егоровичем? – спрашивает следователь.
 - С кем? – не понимаю сразу.
 - У него кличка «Дерзкий».
 - Был...
 - Защищенный?
 - А это здесь при чем? – пытаюсь быть такой же дерзкой, как и ОН.
 - А вы знали о его проблемах со здоровьем? – без эмоций на лице.
 - Нет.
 - А он знал... И вы такая не единственная...

<https://litnet.com/shrt/uome>

Глава 2. Марьяна

Он не вел меня. Он просто шел впереди, отмеряя шаги так, чтобы я обессиленная могла успеть за ним. Его спина в камуфляжной куртке была прямой и надежной, а ружье за спиной – неотъемлемой частью пейзажа.

Я шла, почти не видя дороги, все еще ощущая на затылке лучи фонарей и слыша в ушах низкий рык медведя. Каждый раз оборачивалась со страхом. Каждый раз, когда слышала незначительный шорох за спиной. Мужчина же ни разу не среагировал на мое беспокойство.

Мы вышли на небольшую поляну, где была его сторожка. Даже не сторожка, а скорее убежище из толстых бревен, почти сросшееся с лесом. Кривая печная труба из ржавого железа, маленькое окошко, снаружи у стены аккуратно сложенная поленница. От всего веяло таким безнадежным уединением, что сердце сжалось еще большей тоской.

Он отодвинул щеколду. Никаких замков, только тяжелый железный крюк. Пропустил меня вперед.

Воздух внутри был густой, но теплый. Пахло дымом, смолой, сушеными травами и чем-то неуловимо мужским. Кожей и потом. Я замерла у порога, давая глазам привыкнуть к свету единственной керосиновой лампы, стоявшей на грубо сколоченном столе.

Комната была одна. Прямо передо мной массивная бур-

жуйка. От нее в сторону тянулся длинный железный рукав, уходящий в стену. На буржуйке стоял черный, закопченный чайник. Слева топчан, застеленный оленьей шкурой и плотным одеялом. Над ним полки, уставленные тушенкой, патронами, книгами в потрепанных переплетах, какими-то железяками. На стене висела карта района, испещренная пометками, и старый карабин. Справа – тот самый стол с лампой, табурет и еще одна полка с котелками, кружкой и примусом. Чисто, по-военному. Ничего лишнего. Убежище отшельника или заключенного. Добровольного.

Я стояла, чувствуя, как мокрая одежда пристала к телу. Я точно была похожа на болотную кикимору.

Мужчина снял ружье, поставил его у входа и, не глядя на меня, подошел к буржуйке. Он снял чайник, поставил на его место большое оцинкованное ведро, наполненное водой из стоявшего в углу бака.

- Садись, - бросил он через плечо, не оборачиваясь. – Греться будешь.

Я послушно опустилаcь на табурет у стола, сгорбившись и стараясь занять как можно меньше места, настолько мне было неловко. Но при этом не сводила с него глаз, пытаюсь прочитать в его движениях и даже в молчании его намерения.

Кто он? Лесник? Браконьер? Отшельник?

Леший какой-то...

Он спас меня. Но почему? Потому что он хороший? Хороших людей, живущих в лесу, прячась от людей, не бывает.

Или бывает?

Это же мужчина точно был опасен. Это читалось в каждой его черте. В плавной, но хищной грации его движений. В огромных глазах. Была ли эта опасность направлена на меня?

Я ловила каждый его взгляд, чтобы угадать. Он же смотрел на огонь в топке, на воду в ведре, куда-то в пространство над моей головой. На меня мельком. Но как-то оценивающе. Я для него сейчас раненый зверь, который будет жить или нет.

Вода на буржуйке начала шуметь, наполняя сторожку теплым паром. Мои щеки мгновенно покраснелись. Я это знала точно, потому что они начали гореть. Мужчина снял ведро, поставил его на пол посреди комнаты, рядом с деревянной скамейкой. Потом достал из-под топчана серое, выцветшее, но чистое вафельное полотенце и аккуратно сложенную темную фланелевую рубашку. Такие же простые штаны.

Мой спаситель повернулся ко мне, чтобы рассмотреть меня внимательно. Его лицо было серьезным, но усталым. Лампа отбрасывала тени на его скулы, делая взгляд еще более пронзительным. Исподлобья. Смотрел на меня прямо, без улыбки, без угрозы, но и без жалости. Как на факт. Как на новую деталь в своем строгом мире.

- Раздевайся, - неожиданно скомандовал так, будто попросил принести воды.

Вот только у меня вся жизнь перед глазами пролетела.

Воздух вышел из моих легких медленно, но громко. Вдох-

нуть вновь не могу. Опять парализовало от страха. Мои попытки понять его и даже сформировать положительное мнение о мужчине разбились об одно короткое и жуткое слово. Волна страха накатила с новой силой.

Нет.

Вжалась в табурет, схватившись руками за сиденье. Сердце, только-только успокоившееся, снова забило в панике. Преступники с автоматами, медведь в берлоге... и вот теперь это. Это было хуже. Потому что здесь, в этой маленькой, теплой комнате, некуда было бежать.

Он видел мой ужас. Видел, как я побледнела, как глаза мои расширились от ужаса, но не сдвинулся с места. Он просто стоял. Ждал. Огромные карие глаза были прикованы ко мне. В них не читалось ни злобы, ни похоти. Только... нетерпение? Сколько времени у него не было женщины? От этих вопросов в голове становилось еще страшнее.

Не дожидаясь моего повиновения, мужчина сделал шаг вперед. Всего один. Но тень от его фигуры накрыла меня целиком...

Аннотация к книге "Лживая для Грозного "

Я стала пленницей Грозного за долги своего покойного брата. Вот только похититель считает, что мой брат жив. А гибель была инсценировкой. Меня обещали пытать и держать взаперти, чтобы вызвать его гнев. Или же получить от меня признания, где спрятаны деньги. Грозный уверен, что

я была сообщницей близкого родственника. Его наивность вызывает у меня улыбку. Понимая, что брат за мной не придет, а Грозный – далеко не единственный, кто хочет выбить из меня деньги в прямом смысле этого слова, мне приходится выкручиваться. Я даже предпринимаю попытки соблазнения, сама не замечая, что попадаю в собственный же капкан...

<https://litnet.com/shrt/j-73>

Глава 3. Леший

Черт знает что творится в лесу. То стрельба, как на полигоне, то медведь ревет, будто его с живого шкуру сдирают. Не иначе браконьеры опять шляются, сволочи. Пошел на шум. Мало ли, может, помочь кому надо. А оказалось – девочка. Совсем девочка, глаза как блюдца. Вся перемазанная, дрожит как осиновый лист. В медвежью берлогу, видать, от кого-то спряталась. От тех, что с автоматами, наверное. Дура бесстрашная. Мог бы и не услышать, пройти мимо. Повезло ей.

Привел ее в сторожку. Сидит на табуретке, съежилась вся, молчит. Смотрит на меня как заяц на удава. Боится, понятное дело. Кто ж после такого не испугается. Вся в грязи и в крови, одежда порвана. Надо бы отмыть, раны обработать, а то заражение пойдет.

Воду на буржуйке погрел. Горячая уже. Поставил ведро посередине, чтоб удобнее было. Жаль, корыта нет никакого или тазика. Полотенце чистое дал, свою рубаху и штаны старые. Другого тут ничего и нет.

Повернулся к ней.

- Раздевайся, - говорю спокойно, но вроде как приободряюще немного.

А она только замерла. Сидит, уставилась в пол, вцепилась в табуретку так, будто я ее убить собрался. Только глаза еще

больше стали. Голубые-голубые. Вообще-то девчонка простенькая. Не силиконовая, в косметологических кабинетах, наверное, ни разу не была. Сейчас так вообще испуганная и перепачканная. Смотреть не на что. Но эти глаза... В них столько всего. И ужас, и мольба, но в то же время звериная сила. Засмотрелся на них на мгновение, аж забыл, что хотел сказать.

Но понял, что напугал ее.

Дурак.

Она же после погони, после медведя. Любое резкое движение, как ножом по нервам. А я ей как на плацу скомандовал. Надо было помягче.

И молчит все время. По жесту понял, что говорить не может. Немая вроде как.

От рождения? Или... это временное явление от страха. А... глухая тоже? Может, она меня вообще не слышит? Оттого и не реагирует на команды. Или просто в ступоре, шок такой сильный.

Надо как-то иначе объяснить.

Вздохнул, прошелся рукой по лицу. Устал сегодня. Отвернулся от нее, чтобы не пугать своим взглядом. Взял приготовленную для нее одежду с топчана и положил поближе, на край кровати. Показал рукой: вот, бери.

Потом подошел к буржуйке, постучал по ведру кочергой. Звонко зазвенело. Она вздрогнула. Значит, слышит. Хорошо, не глухая.

Повернулся к ней, жестаи стал показывать. Сделал вид, что снимаю с себя куртку, потом указал на нее и на ведро с водой. Потом растер руки друг о друга, изобразил, как намыливаюсь. Показал на чистое полотенце и на одежду на кровати.

- Помойся, - говорю уже тише, без командирских ноток. – Вода горячая. Я за печь уйду, не буду смотреть. Одевайся в это, - еще раз руками показываю на одежду.

Развернулся и действительно отошел к дальнему углу. Встал спиной к ней. Рядом поленница. Присел на корточки. Сделал вид, что начинаю перебирать дрова. Делать нечего, поскольку просто стоять и ждать – еще больше ее напрягать будет.

Сижу, слушаю. Ни звука. Только потрескивают дрова в буржуйке, да завывает за стеной ветер. Девчонка, наверное, все еще решает: верить мне или нет. Или все так же в ступоре сидит.

Немая... Если от рождения, как она жила? Как ее те, что гнались, обидеть могли, если она даже крикнуть не может? Гады.

М-дааа... Дела. Принесла ее нелегкая в мой лес. Когда мне здесь и самому нужно сидеть тихо. Теперь не знай, что с ней делать. Выводить к людям? А кто ее искал-то? Может, те самые с автоматами и есть «люди»? Вопросов больше, чем ответов. И главное, что ответить она на них не сможет. Может хоть писать умеет?

Главное, чтобы сейчас не окоchureилась от испуга тут у меня. Помылась бы, отогрелась. А там видно будет.

Я сидел спиной, перебирая одни и те же поленья. В сторожке стояла тишина. Только от буржуйки шел все тот же знакомый треск. Каждую секунду я ожидал услышать хоть какой-то звук: шлепок воды, вздох, шум одежду. Но ничего не было.

И вот, наконец, донесся едва уловимый шорох. Словно мышь под полом скреблась. Я замер, не дыша, боясь спугнуть. Потом тихий, стыдливый вздох и мягкий шум падающей на пол мокрой тряпки. Это была ее одежда. Я мысленно представил, как она стоит, съежившись, вся в грязи и синяках, не решаясь сделать следующий шаг.

Потом послышалось осторожное плескание воды. Она зачерпнула ладонями, пробуя температуру. Еще одно плескание, уже увереннее. Звук воды, льющейся на тело. Сначала робко, потом все смелее. Я слышал, как она моет лицо, смывая с него грязь и следы слез. Слышал, как замерла, когда вода коснулась ссадин на руках и ногах. Короткий, сдавленный вдох, который она тут же попыталась заглушить.

Она мылась быстро, торопливо, словно боялась, что я передумаю и обернусь. Мылась так, как моются в полевых условиях. Экономно, без лишних движений. Слышно было, как она намыливает руки. Я оставил ей кусок грубого хозяйственного мыла. Понимаю, что кожа ее нежная, молодая. Но девчушка так сильно трет кожу мылом, счищая с нее не

только грязь, но и следы пережитого ужаса, что даже у меня сердце сжалось.

Вода в ведре плескалась, и в этих звуках была какая-то незащищенность. Она была здесь, в нескольких шагах от меня. Голая и беспомощная, вся дрожала от страха, стыда и, наверное, от облегчения, что может, наконец, смыть с себя этот кошмар. И она полностью зависела от моего слова, от моего решения не оборачиваться.

Я сидел, уставившись в стену, и чувствовал, как по моей спине под курткой ползет неловкий пот. Видавший виды, привыкший к крови и одиночеству, сейчас чувствовал себя мальчишкой, застигнутым врасплох. В голову лезли дурацкие мысли. А вдруг она упадет в обморок от слабости? А вдруг вода слишком горячая и она обожжется? Черт, надо было дать ей тряпку, мочалку, что ли... У меня же ничего такого нет.

Плеск воды стих. Послышалось шуршание полотенца. Она вытиралась, и я снова представил это: худенькая, бледная спина, влажные волосы, следы от веток и царапины. Потом тихий шум ткани. Она надела мою рубаху. Балахоном, наверное, на ней. По шлепкам босых ног об пол понимаю, что надевает штаны. Их нужно закатать, чтобы не волочились по полу. Ладно, сам закатаю. Если подпустит...

Наконец, наступила тишина. Окончательная. Девушка стояла и ждала. Я дал ей еще несколько секунд, потом откашлялся, будто предупреждая, и медленно обернулся.

Девчушка стояла у топчана в моей старой мешковатой одежде, из которой торчали лишь тонкие ключицы и хрупкие щиколотки. Мокрые волосы прядями прилипли к щекам и шее. Но главное – это было ее лицо. Чистое. Грязь смылась, и проступили черты: тонкий нос, бледные, плотно сжатые губы, и эти самые глаза. Огромные, голубые, как незабудки после дождя. Теперь они смотрели на меня уже без животного ужаса, но с настороженностью. В них читался вопрос: «Что будет дальше?».

Кивнул, стараясь, чтобы мое выражение лица было нейтральным, почти ничего не выражающим. Быть приветливым мне сложно.

- Молодец, - буркнул я, вспомнив, что она слышит. – Теперь иди, садись. Раны нужно обработать.

Аннотация к книге "Запретная для Лютого "

Сестра моего врага налетела на меня буквально. Ошарашив и завладев моим сердцем в одно мгновение. Я - жесткий по жизни человек, высмеивающий окружающих, неуважающий чужого мнения - теперь трепещу только лишь от ее нахождения рядом. Я - мужчина, на которого девки вешаются пачками и готовы сами сделать в постели все, что я затребую - оберегаю цветок целомудрия, сдерживая свои инстинкты, лежа с ней под одним одеялом...

 А все почему? Потому что - она моя единственная. А за стеной ее комнаты лежит мой самый главный враг. Даже не догадывающийся о

моем присутствии в его доме... В постели его младшей сестренки...

https://litnet.com/shrt/6_Dz

Глава 4. Марьяна

Я стояла, затаив дыхание, пока его спина была ко мне повернута. Каждый мускул в моем теле был напряжен до предела, отчего я готова была броситься прочь. Его команда «раздевайся» все еще висела в воздухе, отзываясь болью где-то под ребрами. Я боялась. Боялась, что это ловушка. Что его спокойствие – это лишь маска, а за ней скрывается то же, что и в глазах тех мужчин с автоматами.

Но вода в ведре дымилась, заманивая теплом. Я дрожала от холода и остатков адреналина. И он... он отошел. Не оборачивался. Сидел тихо, перебирая дрова, давая мне время и защищенность.

Это и стало решающим. Не сила, а это уважение к моему страху. Я сделала первый шаг. Пальцы не слушались, плохо разгибались, когда я пыталась расстегнуть пуговицы на своей рубашке. Ткань прилипла к ранам на плечах и спине, и я сдерживала стоны, отдирая ее. Каждый звук – звук ткани, мое предательское дыхание – казался оглушительным в той тишине, что была в сторожке. Я ждала, что он обернется, готовая убежать, предварительно бросив в него ведро. Была готова бежать в ночь и в лес полностью обнаженной. Но он не оборачивался.

Вода оказалась обжигающе горячей, но невероятно прекрасной. Она смывала не только грязь. Она смывала погоню,

свист пуль, медвежий рык. Я старалась делать все быстро и тихо, стараясь не расплескать воду на пол. Получилось плохо. Его мыло пахло деревом и чем-то горьким. Оно щипало царапины, но это было невероятное ощущение жизни, еще имеющейся в моем растерзанном теле.

Его одежда оказалась огромной, но мягкой и теплой. Ткань рубахи, пропахшая дымом и им, обволакивала меня, как кокон, словно защищая. Я, наконец, выдохнула, когда надела штаны, закатав их в несколько оборотов.

Когда он обернулся, я снова почувствовала прилив страха. Но он лишь кивнул и сказал «молодец» каким-то глуховатым голосом, в котором не было угрозы. Потом указал на табурет:

- Садись. Раны нужно обработать.

Я послушно подошла и села, сгорбившись, стараясь стать как можно меньше внутри его просторной рубахи. Он достал из-под полки аптечку. Старую, металлическую, армейскую. Открыл ее с глухим щелчком. Достал бутылку с бесцветной жидкостью, вату, бинт. Совершенно новые, ни разу не использованные.

Я зажмурилась, ожидая грубых прикосновений и боли. Привыкла, что любая «забота» от мужчин – это что-то небрежное, часто навязчивое и с грубым вниманием.

Но его пальцы... его пальцы были совсем другими. Твердыми, уверенными, но... невероятно нежными. Он начал с царапин на руках. Одной рукой он придерживал мою ладонь,

а другой смачивал вату в антисептике. Его прикосновение было профессиональным. Он не сжимал мою руку, а просто держал, чувствуя, как я дрожу.

- Щипать будет, - предупредил он тихо, и в его голосе не было привычного мне раздражения.

Была лишь констатация факта.

Жидкость действительно зашипала, и я вздрогнула. В это время его пальцы чуть сильнее сжали мою руку, но не чтобы причинить боль, а чтобы удержать и... поддержать. Он обрабатывал каждую царапину, каждую ссадину с удивительным терпением, не пропуская ни одной. Потом перешел к лицу, аккуратно отодвинув мокрые пряди волос. Я сидела с закрытыми глазами, чувствуя только запах лекарства, тепло его пальцев, легкое дуновение его дыхания на моей коже, тихий скрип табурета под его весом. Это было непередаваемое ощущение...

Мужчина был большим, сильным, пугающим. Его мощь читалась в каждом движении. Но в том, как он сейчас ко мне прикасался, была какая-то необъяснимая ласка. Даже нежность. Такая, от которой комок страха начал понемногу распадаться. И на смену ему приходило что-то теплое и волнительное. Что-то, отчего сердце начало биться чаще уже не от страха.

Никто никогда не прикасался ко мне так. Как к чему-то хрупкому и ценному. Как к чему-то, что можно и нужно беречь.

Когда он перешел к самой глубокой царапине на плече, его движения стали еще осторожнее. Он стоял так близко, что я чувствовала исходящее от него тепло. Я рискнула открыть глаза и поднять взгляд. Мужчина был сосредоточен на своей работе. Его темные брови сдвинуты. Большие карие глаза, казалось, впитывали каждую деталь, оценивая повреждения. В уголках его губ залегли суровые морщины, но в них я вдруг увидела не злость, а... беспокойство? Заботу?

Наши взгляды не встретились. Но в тишине сторожки что-то незримое и хрупкое повисло в воздухе между нами. Не доверие, ведь слишком свежи были раны. И уж точно не то, что обычно называют любовью с первого взгляда. Это было тоньше. Как первый луч солнца после долгой и опасной для жизни ночи. Просто осознание, что руки, способные убить медведя, могут быть такими бережными...

Аннотация к книге "Бедовая невеста Кавказа"

- Дочь! – объявляет ее мама. – Тебя тут замуж хотят взять.
Реакция Кати предсказуема. Выпитое вино дало ей в голову, поэтому она ведет себя неподобающим образом, обращаясь к своим родителям:
- Куда?! Замуж?! Я никогда не свяжу свою жизнь с человеком, который считает себя умнее всех! И вообще, я карьеристка! Мне моя свобода и независимость дороже!
- Не смей перечить воле родителей, - говорю ей строго.
- А то что ты сделаешь мне? – обращается Катя уже ко мне, переваливаясь через стол, что-

бы приблизить ко мне свое лицо.
 Встаю, чтобы посмотреть на нее сверху:
 - Выпорю и все равно женюсь!

<https://litnet.com/shrt/femT>

Глава 5. Леший

Вожу ватой с антисептиком по царапине на ее руке, а сам думаю о том, как же нелепо выглядят мои грубые с мозолями пальцы на этой хрупкости. Она не дергается. Сидит смирно, затаив дыхание, и только по легкой дрожи, что проходит по ее руке, когда спирт касается раны, понимаю – ей больно. Но она терпит. Привыкла терпеть.

Поднимаю взгляд. Не на рану, а на нее. Девушка смотрит в пол. Длинные мокрые ресницы отбрасывают тень на бледные щеки. После помывки проступили черты лица. Острые и высокие скулы с тонким носом.

Девочка. Совсем девочка.

А в глазах пропасть. Печаль. Грусть. Полное разочарование в жизни.

Жаль, что так происходит с молодыми. В ее время я жил полной жизнью. Служил, кутил в свободное время. Брал от жизни все, при этом понимая, какое значение имею для своей страны.

Перехожу к ссадине на плече. Рубаха сползла, обнажив ключицу. Совсем тонкую и хрупкую. Кожа вокруг раны воспаленная, красная. Надо промыть тщательнее. Я стараюсь дышать ровнее, делать движения плавными, будто имею дело не с человеком, а с ребенком, с которым одно неверное движение может привести к побегу. От ее близости пахнет моим

же мылом. Обычным хозяйственным, но чистая и влажная кожа сейчас лучше любой туалетной воды.

Мысли путаются. Все время думаю: кто она, откуда, кто те твари, что гонялись за ней с автоматами? И почему она... немая? Почему-то кажется, что голос «забрали» у нее вместе с чем-то еще. Каждая новая царапина на ее теле, как олицетворение огромного количества немых вопросов.

А вдруг ее ищут? Родственники. Родители. Муж или парень в конце концов.

Заканчиваю. Закрываю аптечку с глухим щелчком. Звук кажется неестественно громким, поэтому она вздрагивает.

- Все, - говорю тихо, отчего голос звучит хрипло. – Главное обработано. Не должно быть последствий.

Она медленно поднимает на меня глаза. Голубые. Прозрачные. В них нет паники, но есть настороженность. Прекрасно понимаю ее готовность к худшему, поэтому нужно быстрее уходить.

- Слушай, - начинаю я, отводя взгляд к запотевшему окошку. – Ты тут останешься. Спишь на топчане. Дверь изнутри на крюк закинешь. Я ночью снаружи.

Почему-то она замирает. словно испугалась моего ухода еще больше, чем... Вижу, как ее взгляд скользит по тулупу, висящему на стене, и по буржуйке, которая на данный момент – единственное, что греет эту конуру.

Она понимает. На улице холодно. Сейчас всего лишь апрель месяц. Костер мне разводить нельзя. Ни света, ни дыма.

Ничего, что может указать на присутствие человека в этом квадрате леса. Это нужно не только для ее безопасности... Я сам развожу костер только в дневное время и то при крайней необходимости.

Встаю. Подхожу к двери, снимая попутно с гвоздя тулуп. Спиной чувствую, что она провожает пристальным и тяжелым взглядом. Не выдерживаю и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее... приободряюще что ли...

Сидит, сжавшись в моей огромной рубаше. В горле невольно встает комок. Мне доводилось видеть и не таких... растерзанных барышень. Но чтобы меня так трясло... Чертовщина какая-то.

Рука тянется к щеколде, словно напоминая – нужно уходить. Отворачиваюсь к двери, набравшись смелости выскочить быстро за дверь. Но вдруг... прикосновение.

Совсем легкое. Ее пальцы не хватают, не цепляются, а просто ложатся на запястье и замирают.

Немая просьба «Стой» мною считано правильно.

Оборачиваюсь. Она не смотрит мне в глаза. Уперлась взглядом в наши руки. Контраст пугающий. Ее – бледные, маленькие. И мои – огромные рабочие ручки, темные, будто загорелые, хотя я с осени свет белый вижу через кроны высоких деревьев.

- Что? – спрашиваю я тихо, боясь напугать ее, но желая уже поскорее разобраться со всем недопониманием.

Она медленно поднимает голову. В глазах отчаяние. Она

боится не меня. Она боится остаться здесь одна.

Ее пальцы перебираются чуть выше и уже сжимают запястье. Кожа под ними горит огнем.

Не знаю, что буду делать дальше, но уйти не смогу. Она так напугана, что боится оставаться наедине с самой собой. Страх от воспоминаний, наверное. Я, конечно, нарушаю все свои принципы, но пересиливаю себя и вешаю тулуп обратно на гвоздь.

- Ладно, - выдыхаю слегка нервно, - остаюсь.

Не смотрю на нее. Подхожу к буржуйке, подбрасываю поленьев.

Сажусь на пол, прислонившись спиной к прохладным бревнам стены, напротив топчана. Достая нож, начинаю точить брусок, чтобы занять руки. Чтобы не видеть, как она смотрит на меня. Чтобы не думать о подсознательных желаниях. Ее и своих...

Аннотация к книге "Фиктивная невеста Кавказа"

Одному из братьев Аслана срочно понадобилась невеста! Вот прям ооочень срочно! Что же делать?
 Правильно!
 Брать первую попавшуюся незнакомку! А дальше уж как пойдет...
 А пойдет все не совсем гладко...
 Наша героиня, хоть и согласилась на условия незнакомца, но диктовать свои тоже будет. А как без этого?! Если рядом, пусть и с фиктивным женихом, крутится эффектная красотка, претендующая на место его законной жены?!

<https://litnet.com/shrt/SaR9>

Глава 6. Марьяна

Сознание постепенно возвращается. Пытаюсь вырваться из небытия, но получается очень плохо. Меня будто сон отпускать не хочет. Схватил в свои цепкие лапы и держит крепко. Может быть, чтобы я не вспоминала о том, что было накануне? Точно. Наверное, это защитный механизм так срабатывает.

Лежу, не открывая глаз. Слушаю тишину, пытаюсь понять: я уже проснулась или все еще сплю. Тишина какая-то странная вокруг. Спокойная. Совсем тихо доносится пение птиц. Рядом, практически под ухом, трещат дрова в остывшей буржуйке.

Я начинаю понимать, где нахожусь. Вспоминаю, что было со мной вчера. Тут же открываю глаза.

Я одна.

Топчан, на котором сплю, пуст с другой стороны. Там, где ночью лежал он, только смятое одеяло и вмятина на оленьей шкуре.

Его нет.

В груди что-то резко сжимается. Приподнимаюсь на локте. Озираюсь по сторонам. Сторожка пуста. Его ружья нет на месте у двери. Тулупа тоже.

Он ушел.

Воспоминания о ночи накатывают. Сначала волнительно,

а потом с неким чувством облегчения. Возникают немного постыдные воспоминания. Как я, сжавшись в комок, сама пригласила его лечь на топчан. Смотрела на его широкую спину, когда он лег на край. Он занял так мало места, будто боялся меня потревожить. Между нами лежала целая пропасть, но его присутствие было настоящим. Я его чувствовала.

Леший...

От Лешего пахло дымом, лесом и чем-то простым... Мужским. И этот запах был своеобразной безопасностью. Я дышала им, слушала его ровное дыхание и чувствовала, как дрожь внутри меня понемногу утихает. Не помню, когда глаза сами закрылись, и я погрузилась во тьму сна и спокойствия.

А теперь он ушел.

Спрыгиваю с топчана, подбегаю к двери. Щеколда откинута. Сердце колотится где-то в горле. Выскальзываю наружу.

Утро яркое. Воздух холодный. В глаза бьет солнечный свет и блеск от утренней росы. Лес просто огромный. Вокруг меня. Много голосов птиц, но по факту он пуст. Никого.

Никогда не сталкивалась с паническими атаками, но то, что чувствую сейчас, сразу же распознаю. Это она. Паника, которая идет откуда-то из живота и поднимается вверх, срывая глотку.

Он бросил меня? Решил, что я – лишняя проблема? Мо-

жет, те люди... они нашли меня? Но он попытался защитить и...

Мысли сами приводят к тому, что нужно обойти вокруг сторожки. Быть может... я просто не услышала звуки выстрела? Но паника сковала не только глотку. Я боюсь шелохнуться. Даже дышать стало невозможным.

Внезапно тишину разрывает отдаленный, но нарастающий рев. Это не звук животного. Это... рев мотора.

Это они. Они вернулись. На машине. Сейчас выйдут, с автоматами... И расстреляют уже меня. Сердце готово выпрыгнуть из груди, а тело не слушается. Совсем. Я продолжаю стоять на месте.

Рев приближается. Слышен хруст веток под колесами. Из-за поворота лесной дороги, ведущей к сторожке, выскакивает не уазик и не внедорожник. Это байк. Большой, мощный, покрытый пылью и грязью. А на нем... Леший.

Он останавливает мотоцикл в нескольких метрах от меня, глушит двигатель. На его лице обычная суровая сосредоточенность, но никакой тревоги. За его спиной огромный армейский рюкзак, туго набитый чем-то.

Делаю шаг вперед, все еще не веря происходящему. Мужчина поворачивает голову в мою сторону. Его большие карие глаза прищуриваются от утреннего солнца.

- Чего выскочила, как перепуганная коза? – его голос грубоват, но в нем нет злости.

Скорее... что-то вроде легкой досады. Но от его слов я

вновь останавливаюсь на месте.

- Простыть хочешь? Босиком по росе, - кивает головой на мои ноги.

Я опускаю взгляд на свои босые ноги. Да, выбежала, не подумав.

Леший вешает шлем на руль и снимает рюкзак. Движения четкие, деловые. Ни грамма лишнего замешательства.

- Не бойся, свои, - он как-то по-новому, немного бодрее, смотрит на меня, подойдя ближе. – Съездил в деревню. Пришлось дядьку Степана из магазина будить. Ворчал, как медведь в берлоге. Но раздобыл кое-что.

Мужчина подошел ко мне очень близко. Настолько, что я могу теперь его рассмотреть.

Лицо морщинистое. Но это не из-за возраста. Много хмурится, думает, может быть даже печалится. Ведь не от хорошей жизни человек «заживо хоронит» себя, уходя жить в лес. На лице растительность. Но ухоженная. Видимо, он старается следить за собой. Ездит в город? Он здесь недалеко.

- Не хочешь зайти? – спрашивает, прищурившись еще раз, будто читая мои мысли. – Аптеки в деревне нет. Если простынешь, придется лечиться медвежьим пометом.

Шутит?

Выражение лица мужчины не меняется. Чтобы не испытывать судьбу, иду в сторону сторожки. Аккуратно наступая на ступеньки, вхожу внутрь, чувствуя, что я сильно замерзла.

Мужчина это понимает. Поэтому, оставив тяжелый рюк-

зак на полу без внимания, начинает подкидывать дрова в буржуйку. Сразу становится гораздо теплее.

- Залезай в постель, - командует мужчина, кивнув головой в сторону топчана, но не посмотрев на меня.

Повинуюсь. При мыслях о медвежьем помете к горлу подступает рвотный рефлекс. Но не от брезгливости, а страха. Опять меня накрывает паническая атака.

Но она быстро проходит. Сразу же, как мужчина возвращается к рюкзаку и начинает выкладывать на стол его содержимое.

Здесь все. Теплая женская куртка, ботинки, джинсы, носки. Отдельным пакетом вынимается пакет с едой. Хлеб, колбаса, консервы, чай и даже печенье.

- Вот, - протягивает мне небольшой пакет, доставая его с самого дна рюкзака. – Наверное... тоже нужно.

Протягивая мне пакет, мужчина немного тушует. Не понимая его смятения, беру пакет в руки и заглядываю в него.

- Мммм..., - не выдерживаю и будто восклицаю от неожиданности, но раздается только глухой звук.

В пакете нижнее белье в виде двух комплектов, бритвенный станок с пеной для бритья и... упаковка прокладок с тампонами...

Он тоже смотрит на то, что принес. Потом переводит взгляд на меня и пытается понять смысл моего мычания.

А мне стыдно. Я просто опускаю глаза, не в силах выдержать его пристального внимания.

- Вот, - достает из бокового кармана еще покупки, - может попробуем?

Испуганно поднимаю голову. В руках мужчины тетрадь и две ручки.

- Чтобы объясняться было проще, - поясняет, внимательно смотря мне в глаза.

И только сейчас я понимаю, что мужчина совсем не старый. Максимум лет сорок. Но если помыть, побрить и причесать, будет совсем молодым и... красивым.

Он ждет от меня ответного шага. И я его делаю.

Убрав в сторону пакет с гигиеническими средствами, беру в руки одну ручку и тетрадь. Открываю и не задумываясь пишу свой первый вопрос: «Можно я буду звать тебя Лешим?».

Мужчина прочитав, не меняя положения тетради, поджигает губы, вроде как ухмыльнувшись надо мной. В ответ он лишь смотрит мне в глаза, пытаясь пробить насквозь, и еле заметно кивает головой.

«Теперь у меня есть свой леший», - пишу следом, не набравшись смелости посмотреть ему в глаза еще раз...

Я решила родить от донора. Мне моя карьера дорога. Не хочу становиться домохозяйкой. Но родителям это не понравилось. Они в шоке. И даже в смертельной панике. Решаю вопрос просто – привожу липового жениха, чтобы от меня отстали. Выбираю самого необычного. Я же уверена,

что он им не понравится!- Папочка, мамочка! Знакомьтесь!
Это Виктор!Папа с мамой опять в шоке. Кажется.- Сынок! –
радостно восклицает отец и со слезами на глазах обнимает
нового родственника. – Родной ты наш!Что?! Может быть,
мне еще и родить от него?!...

<https://litnet.com/shrt/qkF4>

Глава 7. Леший

Сижу, вцепившись взглядом в эти каракули в тетрадке. «Теперь у меня есть свой леший». Внутри что-то заклокотало, перевернулось. Теплое и такое неуместное сейчас. Глупость несусветная. Девочка напугана до полусмерти, вот и цепляется за первое же плечо, что оказалось рядом. А я-то тут при чем?

Леший.

Что ж, метко. Дикий, нелюдимый, из леса почти не вылезаю. Но чтобы кто-то называл меня «своим»... Этого не было давно. Слишком давно.

Потом она вывела свое имя.

Марьяна.

Красивое. Плавное. Совсем не вяжется с той перепачканной, затравленной девчушкой, что я вытащил из медвежьего угла.

Спросил, что случилось, кто эти люди. Она посмотрела на меня... не глазами, а всей душой, будто решая, можно ли доверять. И медленно написала, что пока не может рассказать. Слишком долго и сложно. Обещала потом написать целое письмо. Я лишь кивнул, делая вид, что мне все равно. Чем меньше знаю, тем крепче сон. Но вру сам себе.

Любопытство гложет. Впервые оно такое острое и назойливое. Кто мог так изувечить хрупкое создание?

Чтобы отвлечься, занялся завтраком. Поставил на буржуйку котелок с водой для каши, насыпал крупы из мешочка. Движения автоматические, а сам краем глаза слежу за ней. Сидит на краю топчана, закутавшись в мой старый свитер, который на ней болтается, как на вешалке. Ноги поджаты, подбородок почти на коленях.

Худая. До боли худая. Позвоночник, наверное, прощупывается под тонкой кожей. В деревне, покупая продукты, рука сама потянулась не к самой дешевой колбасе, а к той, что с салом. Взял банку сгущенки, печенье. Не знаю, сколько она тут задержится. Но пока здесь, пусть ест досыта. Хочется ее покормить, увидеть, как щеки хоть немного округлятся.

Мысленно возвращаюсь к ночи. Лег на самый край топчана, спиной к ней, стараясь дышать ровно и глубоко, изображая сон. Но каждым нервом чувствовал ее присутствие за своей спиной. Слышал, как затаив дыхание, она прислушивается ко мне. Как постепенно дыхание ее становилось глубже, ровнее, пока не слилось с тихим потрескиванием дров в буржуйке. И только тогда я и сам смог расслабиться. Но сон был чутким, как у зверя настороже.

Ее близость была тревожной и... щемяще приятной. Слишком уж давно в этой сторожке не пахло ничем, кроме одиночества.

Наливаю ей кашу в глубокую миску. Всегда варю жидкую, потому что люблю такую. Надо было спросить у нее, какую ест она. Ладно. Если что, откажется. Сверху кладу

толстый ломоть колбасы, отламываю кусок хлеба. Не самый привлекательный и аппетитный вид. Но по-другому я просто не умею. Чайник на буржуйке уже подрагивает, выпуская струйку пара.

- Ешь, - бурчу, пододвигая миску к ней по столу. – Пока горячая.

Она ест медленно, аккуратно, словно боится сделать лишний звук или нечаянно что-то проронить. Каждую ложку будто смакует. Потом откладывает ложку, берет ручку и выводит в тетради: «Очень вкусно. Спасибо. Хочу быть полезной. Я уберу со стола и помою посуду».

Читаю и чувствую, как непроизвольно сжимаются челюсти. Нет. Не для этого я ее тут приютил. Не для того, чтобы она оттирала мои закопченные котелки.

- Не надо, - отрезаю я, и голос звучит резче, чем я хотел.

Она вздрагивает, отстраняясь. Вижу это, и меня будто холодной водой окатило. Сразу смягчаю тон, сам удивляясь этой непрошенной бережности.

- Не твоя это забота, - поясняю чуть спокойнее. – Женщины достойны лучшего. Убираться, готовить – это я сам.

Она смотрит на меня, и в ее огромных глазах не обида, а тихое недоумение. И... та самая благодарность, от которой тот самый, проглоченный утром уголек, снова разгорается внутри жарким пламенем.

Резко отворачиваюсь, начинаю шумно собирать свою посуду, чтобы заглушить странную дрожь в пальцах. Чувствую

ее взгляд на своей спине. Он смущает меня сейчас сильнее, чем когда-то прицел снайпера. Потому что в нем нет и тени страха. В нем есть что-то новое, хрупкое и опасное. Что-то, от чего кровь стучит в висках с глупым и юношеским трепетом. И я абсолютно не знаю, что с этим чувством делать.

Аннотация к книге "Неформальная невеста Кавказа "

- Мама, - пытается вернуть ее в реальность Аслан. – Донесу до тебя все сложности. У нее фиолетовые волосы. Подумай, как ее здесь примут и...
 - Нормально примут! – смотрит гневно мать, будто уже воюет с сыном за то, что тот не принял мою суженную, хотя брат имел в виду другое. – А кто примет ненормально, тому я объясню, как...
 Отец останавливает мать, взяв ее за руку.
 - Даю месяц на то, чтобы эта девушка сидела за нашим столом в качестве твоей невесты, - заключает отец, смотря на меня серьезно. – Женой вряд ли. Но невестой... Иначе, - добавляет, - женишься на Гульнаре.
 - Я не женюсь на Гульнаре, - чуть ли не с ненавистью смотрю на отца.
 - Месяц, сынок. Месяц...
 - Да как же я за месяц, пап?! – кричу в отчаянии.
 - Семья поможет, - кивает он на моих братьев и сестер...

<https://litnet.com/shrt/bcOQ>

Глава 8. Марьяна

- Не боишься, если прогуляемся немного, подышим? – говорит он, стоя у двери.

Его фигура почти заполняет проем, очерченная сзади ослепительно-белым светом мартовского дня.

Леший.

Он представляется именно так, и в этом прозвище чувствуется что-то древнее, лесное, не поддающееся контролю.

Его голос ровный, басовитый, лишенный нажима. Но вопрос - это не просто предложение. Это проверка. Осторожный зонд, запущенный в тихий омут моего страха. Он смотрит на меня, и в его серых, как промозглый рассвет, глазах я ловлю не сочувствие, а тот же самый вопрос, который задаю себе каждую минуту: «Что с тобой? Ты еще можешь это вынести?»

Боюсь. До дрожи в коленях, до холодного пота на спине под толстым свитером. Боюсь выйти за этот порог. За стенами этой тесной, прокопченной сторожки - целый мир, который теперь кажется враждебным. Каждый треск ветки за окном - это шаг. Каждое шуршание в сугробе - притаившийся человек. Мозг, отравленный адреналином и ужасом последних суток, рисует картинки одну страшнее другой. Они придут. Они найдут. Это лишь вопрос времени.

Но сидеть здесь, взаперти, в этих четырех стенах, где

единственным звуком становится гул собственной паники в ушах, - это тоже пытка. Медленная, удушающая. И потом... есть он. Этот странный, молчаливый исполин, который вытащил меня из медвежьего чрева. В его присутствии есть что-то... первозданно-надежное. Как у огромного дуба во время бури. С ним я в безопасности. В этом я почти уверена. «Почти» - самое опасное слово в моем нынешнем словаре, но выбирать не приходится.

Я киваю. Делаю это резко, как будто отдаю сама себе приказ, прежде чем передумаю. Стараюсь, чтобы движение было уверенным, почти деловым. Он принимает кивок, его взгляд смягчается на долю секунды. Он отходит от двери, давая мне пространство.

Одеваюсь. Он принес мне эти вещи – простые, дешевые, купленные, наверное, в самом дальнем магазине, куда не заглядывают лишние глаза. Толстый свитер грубой вязки, колготы, штаны, носки. Все пахнет свежестью, магазинной чистотой и чуть-чуть - им. Дымом, деревом, чем-то неуловимо мужским. Ткань шуршит, и этот обыденный, бытовой звук почему-то успокаивает сильнее любых слов. Он возвращает к реальности. Я не призрак. Я живая. Я одеваюсь, чтобы выйти наружу. Это простое действие становится первым шагом по тонкому льду над пропастью нормальной жизни.

На выходе он берет с порога топор и пустое оцинкованное ведро с помятой ручкой. Движения его экономны, лишены суеты.

- Дров нарубить надо да воду принести, - поясняет он, уже поворачиваясь спиной к выходу, как будто само собой разумеется, что я пойду с ним.

Не как гостя, а как... часть этого маленького хозяйства. Вода. Это что-то простое. Осязаемое. Не метафора страха, не символ угрозы. Просто вода. Ее нужно принести. С этим я могу справиться. Мой разум, ищущий хоть какую-то точку опоры, хватается за эту мысль, как утопающий за соломинку.

Я делаю шаг вперед, к нему, и протягиваю руку, чтобы взять ведро. Он в этот момент как раз собирался его перехватить, чтобы нести сам, и мои пальцы вдруг легли не на холодную жёсть ручки, а на его запястье.

Время на миг спотыкается.

Прикосновение длилось, может быть, полсекунды. Но этого хватило, чтобы впечатать в память каждую деталь. Его кожа оказалась на удивление теплой, живой, несмотря на ледяной воздух снаружи. Шершавой - не от грязи, а от постоянной работы, от мороза, от старых, сглаженных временем шрамов, которые я почувствовала подушечками пальцев. А его собственные пальцы, обхватывавшие ведро... они резко остановились, будто наткнувшись на невидимую, но непреодолимую преграду. Замерли.

Я тут же отдернула руку, словно обожглась. Но это было не похоже на ожог. Не больно. Совсем нет.

Это было похоже на тихий, глубокий электрический раз-

ряд. Не тот, что бьет током, а тот, что запускает остановившееся сердце. Он прошел от точки соприкосновения вверх по руке, пронзил локоть, плечо и замер где-то глубоко под грудной костью, заставив сердце на мгновение замереть в неверии, а потом забиться чаще, гулко, отдаваясь в висках. В ушах зазвенела тишина, но теперь это была другая тишина - густая, наэлектризованная.

Я подняла на него глаза. Он уже смотрел на меня. И в его обычно непроницаемом, как лесное озеро в пасмурный день, взгляде мелькнуло что-то неуловимое. Не испуг. Не раздражение. Скорее... удивление. Растерянность. Как будто он, привыкший читать следы зверей и знаки погоды, столкнулся с явлением, которого нет в его лесных справочниках.

- Я... я принесу», - прошептала я беззвучно.

Губы шевельнулись, но звука не вырвалось. Сомневаюсь, что он что-то услышал. Но он увидел. Увидел попытку.

Я предпринимаю новую попытку, снова потянувшись к ведру, действуя на этот раз осторожнее, целясь точно в ручку. Мое лицо горит.

Леший медленно, будто обдумывая каждый миллиметр, разжал пальцы, отдавая мне ведро. Его взгляд не отпускал мое лицо, изучая его с непривычной для него пристальностью. Он молчал. Эта пауза была громче любого вопроса.

- Ладно, - наконец сказал он, и в его голосе появилась новая, чуть более мягкая нота. – Ручей вон за той ольхой. Чистый. Принеси, сколько сможешь. Два ведра, три... Не над-

рывайся.

Он повернулся и ушел в сторону поленницы, оставив меня стоять на пороге с холодным ведром в руках. Пальцы мои сжимали жуть, но все еще помнили совсем другое - шершавое тепло его кожи. И это ощущение, это странное, щемящее эхо под сердцем, никак не хотело утихать.

Иду по указанному направлению, проваливаясь в рыхлый снег по колено. И в голову лезут странные, не вовсе уместные сравнения. Ведро. Поручение. Словно я снова на работе, в своей прошлой, «нормальной» жизни. Только там мой начальник, сытый и лоснящийся от дорогих кремов Аркадий Петрович, никогда не спрашивал, «сколько смогу». Он ставил на стол папки с презентациями, от которых пахло дорогими чернилами и цинизмом, и требовал «к утру». Его взгляд скользил по мне так, будто я была еще одной деталью интерьера в его кабинете - функциональной, приятной глазу, которую можно передвинуть или потрогать, если захочется. Его «забота» ограничивалась безличными, но дорогими подарками к праздникам - очередной парфюм, очередной шарф. Это была не забота. Это была плата. Плата за молчание, за покорность, за иллюзию, что все в порядке.

А Леший... Он сказал:

- Не надрывайся.

Два слова. Простых, грубоватых, как и все здесь. Но в них была настоящая, живая тревога. Не за результат, не за выполненное поручение. За меня. За то, чтобы мне, сломлен-

ной и испуганной, не стало еще хуже.

От этих мыслей в горле встает ком, горячий и колючий. Единственный, кто по-настоящему, без всяких условий, заботился обо мне, кто мог сказать «не надрывайся», глядя на меня с такой же неподдельной тревогой, был отец. Был. Прошедшее время режет изнутри острее и больнее, чем мог бы любой нож. Эта боль знакома, она выжжена в душе. А вот это новое чувство, это щемящее тепло под сердцем, запутанное с эхом от его прикосновения... оно пугает своей незнакомостью.

Нахожу ручей. Он не замерз, бежит меж заснеженных берегов, негромко и настойчиво журча, сверкая на слепящем солнце алмазными брызгами. Присаживаюсь на корточки, снимаю варежку и опускаю ладонь в воду. Она ледяная, обжигаяще-чистая, смывает с кожи не только грязь, но, кажется, и часть тяжелого налета страха. Смотрю на свое отражение в темной, быстрой воде. Вижу испуганное лицо с слишком большими, темными кругами под глазами. Призрак. А потом поднимаю взгляд в ту сторону, откуда доносится мерный, уверенный стук топора.

Тук. Тук. Тук.

Звук рассекает морозную тишину, и в его ритме чувствуется сила. Не суетливая, не агрессивная. Спокойная, незыблемая сила человека, который знает свое место в этом мире и не боится его.

И это странное, щемящее чувство под сердцем возникает

снова, уже сильнее. Оно пульсирует в такт ударам топора. И я с удивлением понимаю, что оно совсем не похоже на страх. Оно больше похоже на... пробуждение.

Аннотация к книге "Худеющая невеста Кавказа "

- Слушай ты, - перехожу на «свой» привычный язык, - да если я захочу, похудею быстро и безболезненно. А вот ты, - тыкаю в него пальцем, упершись в стену из мускул, - так и останешься самодовольным наглецом.

 Все опять замирают.

 Сердце начинает колотиться, когда кавказец наклоняется, чтобы с улыбкой произнести:

 - Похудеешь? Женюсь сразу же, - говорит тихо, но угрожающе.

 Толпа ахает.

 - Ха, - задираю нос и чуть ли не упираюсь кончиком в его подбородок, - да легко и просто!

 Кавказец подмигивает мне одним глазом. Вроде как пари у нас «зафиксировано» официально.

 Разворачиваюсь на пятке, чтобы победоносно удалиться.

 - А в чем логика? – тихо и растерянно произносит Аля мне в спину.

 Ой, подруга... Логика есть! И расскажу о ней тебе позже...

<https://litnet.com/shrt/9E0T>

Глава 9. Леший

Топор врезается в полено с глухим щелчком, и оно раскалывается пополам. Отбрасываю обе половины в сторону, хватаю новое. Движения автоматические, отработанные до мелочей. А в голове – одна картина.

Ее пальцы на моем запястье. Легкие, холодные. Мимолетное прикосновение, а будто след оставили. Кожа до сих пор помнит это странное ощущение. Как будто током ударило, только не больно, а... тепло. Глупость. От долгого одиночества начинаешь видеть вещи, которых нет. Но отмахнуться от этого чувства не получается. Оно сидит где-то под ребром.

Вгоняю топор в колоду, разгибаю спину. С осени только тут, в этой глуши. Но отшельником стал давно. Еще в городе, среди людей. Все те же одинокие походы на работу, одинокие ужины, пустая квартира. Даже с напарником, с которым бок о бок десять лет отработали, всегда была стена. Он – свой в этой суете, шутит с коллегами, ходит на корпоративы, а я – волк-одиночка, который терпит общество ради дела. Мы хорошо работали вместе, но в душу он ко мне не лез никогда. Хотя и уважали друг друга. И даже... Ладно, не будем сейчас погружаться в воспоминания и истинные причины моего нахождения здесь. Могу лишь с уверенностью сказать о том, что я на своем месте. Никогда даже не думал, чтобы жить в лесу в одиночестве. А сейчас готов пробыть здесь всю жизнь.

Даже после того, как план будет выполнен.

Но сейчас что-то пошло по-другому. Сейчас, слушая, как вдали журчит ручей, я знаю – она там. И это знание меняет все. Воздух кажется другим. Свет – иным. Не просто ответственность за того, кого спас, тяжелым грузом лежит на плечах. Что-то другое. Слабое, глупое чувство, будто ты не один. Будто теперь у тебя есть... точка отсчета. Опираясь на которую, можно дышать чуть спокойнее. Предательское чувство. Опасное.

С силой опускаю топор, раскалывая очередное полено с таким напряжением, будто это не дерево, а собственные неправильные мысли. Нужно прекратить эту чепуху. Она уйдет, как только придет в себя, найдет куда податься, и все вернется на круги своя. Лес. Тишина. Одиночество. Которое теперь, черт возьми, будет казаться еще громче.

В этот момент со стороны ручья доносится приглушенный звук – грохот ведра о камни и короткий, сдавленный вскрик, который обрывается почти сразу.

Сердце останавливается, а потом срывается с места, колотя где-то в горле. Кровь отливает от лица, в висках стучит. Все мысли вылетают из головы разом. Остается один древний, животный инстинкт.

- Марьяна! – ору во все горло.

Бросаю топор, пулей несусь через кусты, не разбирая дороги, ломая ветки, которые хлещут по лицу. Глаза выхватывают картину: она сидит на мокрой земле у ручья, вся пере-

пачканная, одна рука опирается о скользкий камень, а рядом валяется пустое ведро, покотившееся в сторону. Вся ее новая, серая куртка и джинсы промокли насквозь, вода темными пятнами растекается по ткани. Лицо бледное, испуганное, по щеке ползет грязная полоса.

«Дурак! Кретин! – кричит в голове голос, полный ярости на самого себя. – Хрупкая девчонка, скользкий берег! Идиот, который отвлекся на свои дурацкие мысли!»

Подбегаю к ней и, даже не думая, падаю на колени прямо в грязь, хватая ее за плечи, проверяя взглядом с ног до головы.

- Где болит? Ушиблась? Говори! – слова вылетают сами, голос хриплый от нахлынувшей волны тревоги, такой сильной, что аж подташнивает.

Она смотрит на меня широко раскрытыми испуганными глазами, качает головой, беззвучно шевелит губами, пытаюсь что-то сказать. Но по тому, как она пытается оттереть грязь с колена, видно, что упала. Поскользнулась, когда зачерпнула полное ведро.

Не спрашивая больше ни о чем, не думая о приличиях, я аккуратно, но решительно подсовываю одну руку ей под колени, другую под спину и поднимаю ее. Она легкая, почти невесомая, как пушинка. Прижимаю ее к себе, чувствуя, как мокрая ткань куртки холодит мою рубашку.

- Ничего, ничего... Тихо, - бормочу уже больше для себя, быстрыми шагами неся ее к сторожке, чувствуя, как напряжены каждые мускулы в моем теле. – Сейчас все будет в по-

рядке. Просто глупая случайность.

Она не сопротивляется, не пытается вырваться. Просто прижимается ко мне еще сильнее, спрятав лицо у меня на груди. Ее дыхание горячее сквозь ткань. И вот эта ее полная, безоговорочная беззащитность, это молчаливое доверие... оно бьет сильнее, чем любая искра. Оно проникает глубже любой пули. И я понимаю с пугающей ясностью, что просто так уже не смогу ее отпустить. Что бы там ни кричал внутренний волк-одиночка. Эта тихая, немая девчонка с голубыми глазами уже успела создать в моей крепости одиночества невидимую трещину.

Аннотация к книге "Строптивая невеста Кавказа "

Через десять лет Женя и Тимур переживают кризис в отношениях. Он хочет ребенка. Она тоже хочет ребенка. У него есть условия. У нее тоже есть условия. Противостояние героев. Противостояние культур, семейного уклада. Кто победит?
 Мы отправимся с вами в прошлое. Узнаем, с чего все начиналось, чтобы насладиться взаимоотношениями любимых героев с самого начала их знакомства! ##

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ЦИКЛА

<https://litnet.com/shrt/3Oвc>

Глава 10. Марьяна

Как это вообще произошло? Я стояла на скользком камне, зачерпнула полное ведро ледяной воды, повернулась... и мир опрокинулся. Нога подвела? Или просто моя вечная неуклюжесть, которая преследует меня с детства? Неважно. Результат налицо, вернее, на мне: я сижу в холодной жиже, по локоть в воде, а новенькая куртка – та самая, что он привез из деревни, – промокла насквозь, тяжело виснет на плечах. И джинсы тоже. Вся я – одна большая, мокрая, жалкая неудача.

Стыд. Он горит щеками и комом подкатывает к горлу. Он потратил на меня деньги, время, рисковал, наверное, показываясь в деревне, а я... я не могу выполнить простейшее поручение. Принести воды. Исполнить одну-единственную просьбу. Я обуза. Та самая, которой всегда боялась стать.

А потом... потом он появился. Не пришел, а ворвался, сломя голову, с лицом, искаженным не злостью, а настоящим страхом. Таким, от которого кровь стынет в жилах. И прежде чем мозг успел осознать происходящее, он уже подхватил меня на руки. И в тот миг, сквозь ужас и стыд, прорвалось другое чувство. Какое-то непонятное облегчение. Потому что идея подняться самой по этому грязному склону, мокрой, перепачканной, спотыкающейся на каждом шагу, была невыносима. А так... он нес меня. Его руки были твердыми.

Грудь – надежной стеной. Я прижалась к ней, слыша бешеный стук его сердца. Он правда испугался. За меня. Это было так непривычно, так ново, что на мгновение затмило все.

Но сейчас, в сухой сторожке, когда он ставит меня на пол, реальность обрушивается с новой силой. Я – беспомощное, ни на что не годное существо. Какая из меня мстительница? Полезла в логово к волкам с голыми руками и детской верой в справедливость. Чего я ждала? Что у меня получится? Я, которая не может ровно пройти по коридору, не зацепившись за косяк? Если я не в состоянии донести до дома ведро воды, зачем я из себя строила Лару Крофт? Жалкая, смешная пародия. Отец... он бы смотрел на меня с тихой грустью.

А Леший вытаскивает из самоуничтожения. Он действует стремительно и молча. Его пальцы находят молнию на моей куртке. Расстегивают ее одним резким движением и стаскивают с меня тяжелую, мокрую ткань. Прикосновение его рук к моим плечам обжигает, заставляет вздрогнуть. Потом ладонь опускается к пряжке на моих джинсах, и у меня перехватывает дыхание. В глазах темнеет от паники и чего-то еще очень смутного. Но он останавливается. Рука замирает в сантиметре от металла. Я вижу, как до него доходит. Как взгляд становится остекленевшим, почти испуганным. Он резко отшатывается и отворачивается, уставившись в стену. Спина каменная, плечи напряжены до предела.

- Раздевайся, - звучит его голос, хриплый от сдерживаемых эмоций. – Быстро. Пока совсем не заболела. Одежда вся

мокрая.

Он бросается к буржуйке. Начинает с какой-то яростью швырять в огонь поленья, делая вид, что весь поглощен занятием.

Я стою посреди комнаты, дрожа от холода и пережитого потрясения. Он прав. Одежда леденящая, зубы стучат. Пальцы не слушаются, когда я пытаюсь расстегнуть джинсы. С трудом снимаю их, потом мокрый свитер. Остаюсь в одном белье, чувствуя ледяной воздух. На ощупь, почти на ощупь, потому что глаза застилают предательские слезы, нахожу на топчане его старый, растянутый свитер и те самые мягкие штаны. Натягиваю их на себя. Грубая шерсть трется о кожу, но она сухая. И она пахнет им. Дымом, древесиной, потом и чем-то неуловимо простым. Мужским. И сейчас этот запах не кажется чужим. Он согревает изнутри лучше любой печки. Успокаивает. Напоминает, что я не одна.

Закутываюсь в свитер, поднимаю воротник, чтобы скрыть лицо, и делаю глубокий, прерывистый вдох. Да, я неуклюжая. Да, я все испортила. Но он не кричал, не упрекал, не смотрел с презрением. Он просто помог. Как тогда ночью. И в этой его молчаливой заботе есть какая-то хрупкая, но прочная надежда. Может быть, не все еще потеряно. Может быть, даже такая, как я, имеет право на вторую попытку.

Аннотация к книге "Босс Дед Мороз или Пышное увлечение "

- Ты – лучший помощник, Анна. Так и должно остаться.

 Его слова повисли в воздухе, острые и холодные, как январский ветер. Запах его кожи еще был на моих руках, а он уже говорил о другой женщине. О свадьбе.

 Я стала его «непредвиденной ситуацией». Новогодним курьезом. Увлечением. Деловым и физическим. Он перепутал меня с невестой в темноте, и я, дура, позволила себе поверить, что эта ошибка – настоящее чудо.

 Теперь мой строгий босс возвращается к своей безупречной жизни. А мне предстоит собрать осколки своего сердца и сделать единственно верный поступок – уволиться. Из компании. И из его жизни.

 Хотя... кто сказал, что я позволю ему просто поставить на мне галочку?

<https://litnet.com/shrt/haRw>

Глава 11. Леший

Наступила ночь. Буржуйка потрескивает, создавая вокруг атмосферу уюта. Мы снова лежим на топчане, как и прошлой ночью. Спинай к спине. Но сегодня между нами не пропасть молчания, а тетрадь.

Все началось с неловкости. После истории с водой мы ужинали почти молча. Потом она взяла тетрадь и написала: «Прости за куртку». Я отмахнулся. Мелочи. Но она не успокоилась. Написала: «Можно поговорить?»

И вот мы лежим. Она передает мне тетрадь. В свете керосиновой лампы ее почерк кажется еще более хрупким.

«Какая твоя любимая еда?» - первый вопрос.

Улыбаюсь про себя. Невинно. Слишком невинно.

- Жареная картошка с грибами, - говорю вслух, передавая ей тетрадь.

Марьяна пишет в ответ: «Я люблю шоколад. Горький».

Потом пошли цвета. Она любит голубой. Я после недолгого раздумья отвечаю:

- Зеленый. Цвет леса, - зачем-то поясняю, будто сразу непонятно.

Разговор плывет плавно. Кажется, ни о чем. Но в этих «ни о чем» скрывается что-то важное. Мы будто душу раскрываем путем простых слов.

Потом она переходит на личности.

«Сколько тебе лет?» - вопрос, заставивший немного вздрогнуть.

- Сорок два, - бормочу недовольно.

Она будто замирает, анализируя в голове сказанное мною. Пишет в ответ: «Мне двадцать пять».

Промежуток кажется бездной. Я – потрепанный жизнью мужлан, и она – молодая женщина, у которой все впереди. Или должно быть впереди.

«А кем ты работал? Раньше?» - следующий вопрос.

Вот здесь я чувствую, как она пытается меня подловить. Я невольно поворачиваюсь к ней и вижу ее скользкий взгляд.

- А ты? – спрашиваю в ответ, не собираясь погружаться в дебри своей души.

Марьяна поджимает губы, но пишет быстро, и не раздумывая: «Секретарем в агентстве».

Передавая мне тетрадь, не смотрит мне в глаза. Чувствуется, что это верхушка айсберга. Но я не буду копать. Ухмыляюсь сам себе. А кто я такой, чтобы требовать откровенности? Сам сижу в двух шагах от правды.

- А я был напарником. В охране, - выдаю скупое.

Это не ложь. Но и не вся правда. Мы с напарником занимались охраной. Вот только не складов или торговых центров...

«Родители есть?» - ее следующий вопрос заставляет что-то сжаться внутри.

- Нет, - мотаю головой коротко, ожидая от нее ответа на

этот же вопрос.

Она смотрит на меня, и в ее глазах читаю скованность. Задумывается, но в ответ пишет: «Папа был. Сейчас тоже нет».

Вот оно. Точка соприкосновения. Двое сирот в лесной глуши. От этого осознания в сторожке становится теснее.

Потом она спрашивает про жизнь здесь. «Как ты зимовал? Холодно было?»

И я начинаю рассказывать. Подробно. О том, как заносило сторожку снегом по самые окна, как приходилось прокапывать туннель к деревянному сараю. О том, как буржуйка порой не справлялась, и иней покрывал стены изнутри. Как варил чай из хвои, чтобы не заболеть цингой. Как слушал по ночам вой выюги и думал, что это последнее, что услышу в жизни. Говорю и сам удивляюсь своим словам. Я никому этого не рассказывал. Да и некому было. А ей рассказываю. Получается, что «выворачиваю» душу наизнанку.

Вижу, как она слушает. Широко раскрыв глаза, будто смотрит захватывающий фильм. Она не «перебивает», не задает глупых вопросов. Просто слушает.

Вдруг ловлю себя на дикой мысли: я бы мог рассказать ей все. Почему я здесь. Кого боюсь. Что натворил в прошлой жизни. Эта мысль такая же опасная и притягательная.

Но я не делаю этого. Вместо этого подвожу итог:

- Справился. Жив остался и ладно.

Она берет тетрадь, и ее палец на мгновение касается мое-

го. Снова эта искра. Она пишет, чуть смутившись: «Ты сильный».

Я хочу сказать в ответ, что: «Сильные не бегут в лес от своих проблем», но сдерживаюсь, теша себя иллюзией, что мой побег не просто побег, а попытка отомстить, отстоять справедливость. Ей ни к чему это слушать.

Не ее это дело. Ее жизнь и так перевернута. Зачем пугать ее призраками из своего прошлого? Пусть думает, что я просто Леший. Дикий, но безопасный.

Она зевает, по-кошачьи, прикрывая рот ладонью. Глаза слипаются.

- Спать, - говорю я, забирая тетрадь и откладывая ее на полку, чувствуя себя строгим отцом.

Она кивает, устраивается на своей половине, поворачивается ко мне спиной. Я гашу лампу. В темноте ее дыхание скоро становится ровным.

А я лежу и смотрю в потолок, который не вижу. И думаю о том, что у каждого из нас есть свои тайны. Мои темные, пахнут порохом и кровью. Ее пахнут страхом и болью. И пока эти тайны лежат между нами, мы можем быть рядом. Но стоит одной из них вырваться наружу... все это хрупкое равновесие рухнет. И я не знаю, что будет страшнее: ее тайна или моя.

Аннотация к книге "Ватрушки для Буйного "

- Вы меня достали! – кричу в лицо Владиславы, которая

морщится, но не показывает своего страха. – Разбирайтесь со своими семейными проблемами сами! Я шантажа со стороны вашей дочери и внучки в свой адрес не потерплю!

 - Это всего лишь детские.., - пытается меня переубедить, но я перебиваю.

 - Вот именно! – рявкаю, прижимая ее к стене еще больше, еле сдерживаясь, чтобы не ухватиться за ее «булочку». – Детские! А сесть я могу совсем по-взрослому!

 Когда у мамы с дочерью-подростком происходит конфликт, в дело может вмешаться мужчина. Разумеется, добровольно. Но что делать этому мужчине, когда его не просто втянули, но и поставили перед фактом – или мир в чужой для него семье, или...

<https://litnet.com/shrt/mMBc>

Глава 12. Марьяна

Прошло два дня. Два дня тишины, нарушаемой только скрипом двери, стуком топора и треском дров в печи. Мы живем в одном пространстве, дышим одним воздухом, но словно разделены невидимой стеклянной стеной. После той ночи с тетрадью что-то изменилось. Стало еще более неловко. Он погрузился в себя, а я не решаюсь нарушить его молчание.

Но сегодня вечером я не выдерживаю. Он сидит на табурете, чистит ружье, а я лежу на топчане и смотрю на его спину. Он весь в пыли и поту, рубашка прилипла к лопаткам. Я беру тетрадь и пишу. Рука дрожит.

«Ты моешься здесь?»

Он оборачивается, читает. Брови взлетают вверх. Кажется, я его удивила.

- Конечно, - говорит он, возвращаясь к чистке. – Ведром, как и ты. Не свинья же я.

Я переворачиваю страницу, пишу быстрее, пока хватает смелости.

«Можешь сейчас помыться. Я не буду смотреть. Повернусь к стене».

Он замирает. Пальцы сжимают ветошь. Молчание тянется мучительно долго. Мне ужасно стыдно. Я видела, как он вкалывал весь день: рубил дрова, чинил крышу. Он вспотел,

устал, а из-за моего присутствия он не может даже нормально помыться. Я – обуза, которая лишает его элементарного комфорта.

Наконец он откладывает ружье.

- Ладно, - глухо соглашается он. – Отворачивайся.

Я быстро переворачиваюсь лицом к бревенчатой стене, сжимая края одеяла. Слышу, как он двигается по комнате. Шум воды в ведре, звон металла. Потом звук падающей на пол мокрой одежды. Мое сердце начинает колотиться где-то в горле.

Я вспоминаю тот вечер, когда мылась я. Он сидел спиной, не оборачивался. Дал мне чувство безопасности. А я... я сейчас жажду нарушить это доверие. Жажда подглядеть такая постыдная. Она разливается по всему телу и разгорается только больше, не собираясь затухать. Мне хочется увидеть его. Не просто мужчину, а именно его.

Лешего.

Я зажмуриваюсь, пытаюсь сопротивляться. Но любопытство оказывается сильнее. Медленно, почти не дыша, я поворачиваю голову, всего на сантиметр, чтобы видеть из-за своего плеча.

Он стоит ко мне спиной. Лампа освещает его мощную спину, широкие плечи, покрытые старыми шрамами. Кожа натянута над рельефными мышцами, блестит от воды. Он зачерпывает воду из ведра и с силой выливает ее на себя. Вода стекает по его спине темными ручьями, огибая лопатки, ис-

чезая в узкой, сильной талии и наклоняясь ниже, к упругим, округлым ягодицам, обтянутым влажной кожей. Мышцы напрягаются при каждом его движении, играя под гладкой поверхностью. Он проводит ладонями по лицу, по затылку, смачивая короткие темные волосы. Движения его экономичные, сильные. Каждое напряжение мышц видно под кожей. Это не просто гигиена. Это ритуал силы. Я смотрю, замороженная, забыв о стыде, о приличиях, обо всем на свете. Мое тело отвечает на это зрелище предательским теплом, разливающимся по низу живота. Мне хочется... мне хочется прикоснуться к этой силе, ощутить эту грубую кожу под своими пальцами, почувствовать его вес.

Он наклоняется, чтобы взять мыло, и я вижу его во всей его мужественной, пугающей и невероятно притягательной наготе. И в этот момент, поворачиваясь чуть вбок, он видит меня. Наши взгляды встречаются.

Я замираю, не в силах отвести глаз. Не в силах даже смутиться. Я просто смотрю, пойманная на месте преступления, сжимая одеяло между ног, все еще охваченная этим стыдным, жгучим желанием.

Он не дергается, не кричит. Он медленно выпрямляется, все еще держа в руке кусок мыла. Вода стекает с его сильного тела на грязный пол. Его огромные карие глаза смотрят на меня без злости, но с тяжелым, понимающим взглядом. В уголке его губ появляется что-то вроде горькой усмешки.

— Нельзя доверять женщинам, - произносит он тихо, и

его голос звучит хрипло, почти интимно. – Ни словам, ни обещаниям.

Он не спеша поворачивается ко мне уже почти полностью, не скрываясь. И я, наконец, отворачиваюсь, прижимаюсь лицом к стене, чувствуя, как горю вся, с головы до пят. Стыд и какое-то дикое, запретное возбуждение бьются во мне, не зная, какое чувство должно победить. Я слышу, как он продолжает мыться, будто ничего не произошло. Но воздух в сторожке стал густым и тяжелым, как перед грозой. И я понимаю, что все изменилось. Стена треснула.

Аннотация к книге "Измена. Уведу отца из мести "

- Да какие мы с тобой подруги?! – шипит Милана. – Да я если пальцем поманю, у меня и не такой дурак в ногах окажется.
 - Тогда почему ты забрала МОЕГО дурака? – подаюсь к ней вперед, чтобы посмотреть в глаза этой наглой девятнадцатилетней девке.
 - Так он сам пришел, - хмыкает подруга. – Так и сказал: «У вас товар, у нас купец. У тебя отец с деньгами, у меня опыт». И кааааак взял меня в свои объятия...
 Хочу потерять дар речи. Но видя за спиной подруги ее счастливых родителей, уверенно заявляю.
 - Я это так не оставлю, - шепчу злобно. – Скоро оооочень сильно пожалеешь...
 Пусть я боюсь Льва Михайловича, но в койку затащить мне его труда не составит. А там и до развода недалеко...

<https://litnet.com/shrt/8aW5>

Глава 13. Леший

Проходит еще два дня. Сорок восемь часов адского напряжения. Ее присутствие в сторожке превратилось в навязчивый, но сладкий яд. Я ловлю себя на том, что слежу за каждым ее движением. За тем, как она поправляет волосы. Как шея изгибается, когда она читает. Как ее тонкие пальцы перебирают край одеяла. Я, который забыл, что такое простые человеческие ласки, теперь сходил с ума от одного случайного прикосновения, когда она передавала мне миску или брала тетрадь. Ее палец, коснувшийся моей ладони, жжет кожу часами.

А она... Черт возьми, она играет с огнем, сама того не понимая. Или понимая? Она ищет повода прикоснуться. Проходит мимо так близко, что ее одежда задевает мою. Ее взгляд, когда она думает, что я не вижу, тяжелый, задумчивый, скользит по моим рукам, по спине, задерживается на губах. В воздухе висит невысказанное желание. Самое простое. Животное. Оно сводит с ума.

Мое тело, долгие месяцы жившее в строгом воздержании, бунтует при одной мысли о ней. Я просыпаюсь ночью от собственных снов, в которых пахнет ее кожей, и лежу без сна до утра, слушая ее ровное дыхание и сжимая кулаки от бессилия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.